

Глава 879: Белый журавль зовет подкрепления

Хуай Жэнь спокойно смотрела на Танга Тридцать Шесть, но не отвечала.

Танг Тридцать Шесть спокойно смотрел в ответ, но тоже не говорил. Было очевидно, что он хотел, чтобы она дала ответ.

Хуай Шу строго сказала: «Такой безумец, как Сяо Чжан, чьи руки промокли в крови? Как мы можем позволить ему войти на гору и осквернить эту чистую и священную землю?»

Танг Тридцать Шесть сильно хотел упомянуть Су Ли.

Количество людей, убитых Су Ли, было неисчислимым, его меч промок в гораздо большем количестве крови, чем копьё Сяо Чжана, но посмел ли Пик Святой Девы выгнать его?

Даже их Святая Дева ушла с ним.

Как только он собирался сказать эти слова, он забрал их обратно. Эти слова были слишком безжалостными, и если не сказать их правильно, это закончится конфликтом.

Он покачал головой и беспечно сказал: «Если я правильно помню, прежде, чем Святая Дева начала уединение, она приказала, чтобы все дела Храма Южного Ручья управлялись Старшими Сестрами Пин Сюань и И Чэнь. Я думаю, что выгонять Сяо Чжана с Пика Святой Девы определенно не было их волей, а волей вас троих?»

Услышав это, ученицы вокруг соломенной хижины стали беспокойными, особенно те две ученицы, стоявшие за тремя даосскими монахинями, которые даже опустили головы. Танг Тридцать Шесть мог ясно чувствовать, что эти две ученицы обладали могущественной культивацией, так что они, вероятно, и были Пин Сюань и И Чэнь.

Хуай Жэнь знала, что должна была ответить, и умиротворенно сказала: «Верно, это была моя воля, что Сяо Чжан не должен входить на гору».

Танг Тридцать Шесть уставился ей в глаза и поинтересовался: «Почему?»

Хуай Шу злобно сказала: «Я уже сказала почему».

Танг Тридцать Шесть проигнорировал ее. Все еще глядя в глаза Хуай Жэнь, он спросил: «Тогда на основании чего?»

Даже если дать десять тысяч причин не позволять Сяо Чжану попасть внутрь, на каких полномочиях это было сделано?

Это было дело Храма Южного Ручья. На каких полномочиях ты раздаешь приказы?

Хуай Би ухмыльнулась: «Святая Дева в уединении, но означает ли это, что мы, старшее поколение, больше не можем заботиться о таких вопросах?»

Танг Тридцать Шесть ответил: «Святая Дева в уединении, так значит ли это, что вам больше не надо уважать ее указы? Кто выше: вы или Святая Дева?»

Его слова перестали быть критикой, становясь прямым вызовом.

Хуай Би была взбешена этими вопросами и собралась возразить.

Хуай Жэнь посоветовала ей: «Младшая Сестра, Молодой Хозяин Танг хорошо известен за свое красноречие. Ты определенно не оппонент ему».

«Неверно, - Танг Тридцать Шесть поправил ее, - я не сладкоречив. Я просто говорю громко и быстро».

Хуай Жэнь улыбнулась: «Тому, кто говорит разумно, не нужен громкий голос. Если ты просто говоришь громко и быстро, почему никто не смог выиграть спор с тобой?»

«Снова неверно, - Танг Тридцать Шесть объяснил, - тот, кто говорит разумно, естественно, будет говорить громко. У меня прямолинейные причины, так что у меня сильный голос. Никто не смог выиграть спор против меня, потому что они не говорят с разумом».

Его слова, естественно, ссылались на ситуацию Храма Южного Ручья.

Он чувствовал, что разум был на его стороне, так что эти три старейшины Храма Южного Ручья, естественно, были без разума.

Молчание воцарило внутри и снаружи соломенной хижины. Ученицы Храма Южного Ручья опустили головы, не зная, что сказать.

«Молодой Хозяин Танг чувствует, что мы, три старейшины, вернулись в Храм Южного Ручья, чтобы воспользоваться уединением Святой Девы и захватить власть».

Хуай Жэнь посмотрела на учениц и спросила: «Возможно, они думают так же?»

Услышав это, сотня учениц вокруг соломенной хижины быстро нарушила тишину и сказала, что они не смели.

Две ученицы, находящиеся за тремя монахинями, даже поклонились на земле, говоря дрожащими голосами: «Ученица не посмеет».

Танг Тридцать Шесть заметил, что два человека, которым Сюй Южун дала ответственность управлять храмом, в действительности были ученицами этой старой монахини. Это определенно была проблема. Когда это ученик управлял своим учителем? Если учитель даст приказ, был ли ученик, который посмеет послушаться? Преступления обмана своего учителя и предательства своего предка было достаточно, чтобы непосредственно бросить человека в бездну на вечность.

«Я думаю, что Его Святейшеству Попу и нашим гостям не надо волноваться. Дела моего Храма Южного Ручья всегда управлялись его ученицами».

Хуай Жэнь тепло сказала: «Но, как старейшины Храма Южного Ручья, мы должны сделать нашу позицию ясной в некоторых важных делах».

Танг Тридцать Шесть спросил: «Как в случае с Сяо Чжаном?»

Хуай Жэнь ответила: «Я думаю, что Молодой Хозяин Танг и Ваше Высокопреосвященство очень хорошо понимают, на что указывает это дело».

Это как раз был вопрос, на который Танг Тридцать Шесть хотел услышать ответ.

Эти три старейшины Храма Южного Ручья отказывались защищать Сяо Чжана. Это означало, что они не желали дать Пику Святой Девы стать союзниками с Дворцом Ли, и тем более

объединить север и юг Ортодоксии.

Хуай Жэнь посмотрела на Танга Тридцать Шесть и сказала: «Даже если Святая Дева не была бы в уединении, я верю, она бы тоже должна была задуматься о нашей позиции».

Танг Тридцать Шесть спросил: «А ваша позиция?»

Хуай Жэнь безразлично сказала: «Наша позиция - оппозиция».

Танг Тридцать Шесть впал в раздумья. Он не ожидал, что у этой старейшины будет такая спокойная и твердая позиция. Ее просто не беспокоили его угрозы или давление Ортодоксии.

Переговоры достигли тупика. Если ситуации будет позволено продолжаться, большое событие, на которое намекнула Е Сяолянь, действительно может стать реальностью.

Как можно было нарушить этот план? Танг Тридцать Шесть не мог придумать способ, так что он только мог использовать свой опыт, чтобы создать неприятности.

«Так как никто из вас не управляет делами храма, зачем тебе понадобилось ударить ее?»

Танг Тридцать Шесть указал на Е Сяолянь за собой и спросил Хуай Жэнь: «Или то, что старые задирают молодых, считается одним из твоих важных дел».

Хуай Би в черном одеянии впала в ярость, закричав: «Я не управляю делами храма, но мне не позволено с моим старшинством научить эту девочку уважать учителей и чтить истину?»

Е Сяолянь больше не могла стоять, увидев ярость своей боевой великой тети, так что тоже поклонилась до земли. Даже если она чувствовала себя опозоренной, она не смела показывать этого.

Видя этих трех учениц, поклонившихся до пола, Танг Тридцать Шесть внутренне вздохнул. В конце концов, они были девушками, и они росли под традиционными учениями Пика Святой Девы, так что для них было невозможно быть, как он и Чэнь Чаншэн, которые смели задирали своих учителей и предавать своих предков. Казалось, что не было реального шанса внутренне решить эту проблему, так что он только мог надеяться, что Чэнь Чаншэн придумает метод. Учитывая прошедшее время, Чэнь Чаншэн уже должен был достичь вершины Пика Святой Девы. Все это время не было признаков активности, и это означало, что Сюй Южун оставалась непотревоженной в уединении в ее пещере, так что пришло время для Чэнь Чаншэна явить себя.

Проблема была в том, что с этими тремя старейшинами, смотревшими на него, для него было трудно даже прошептать что-то Е Сяолянь, так как он мог уведомить Чэнь Чаншэна на вершине?

Пока он раздумывал над этими вещами, его глаза внезапно засияли. Он увидел белого журавля, отдыхающего на цветущем дереве во внутреннем дворе.

Кто не узнает этого белого журавля?

.....

.....

Белый Журавль был священным зверем Пика Святой Девы. Только Сюй Южун могла ездить на

нем, и у него был самый почтенный статус на Пике Святой Девы. Будь это цветущие деревья в храме или водопады, стекающие между деревьев, он мог выбрать любое место для того, чтобы приземлиться. Никто никогда не смел невежливо относиться к нему, но в него чуть не попал вонючий ботинок.

Во внутреннем дворе прозвучал злобный крик журавля, и его тридцатиметровые крылья раскрылись. Он собрался контратаковать, когда вдруг понял, что узнал бросившего ботинок.

«Ты - бездушная тварь. Мы вместе приглядывали за той неверной парочкой, но сейчас, когда я пришел навестить вас, ты даже не говоришь привет!»

Танг Тридцать Шесть стоял снаружи соломенной хижины, держа в руке другой соломенный ботинок и громко крича.

Е Сяолянь и несколько других знающих учениц были сбиты с толку. Было ли это из-за того, что он бросил ботинок в Белого Журавля, или из-за тех старых дел, которые он упоминал?

Белый Журавль говорил о своей невинности глазами и, вероятно, раздумывал, почему этот паренек сходил с ума.

Танг Тридцать Шесть разозлился еще сильнее и бросил другой ботинок. В то же самое время он направил взгляд к вершине и моргнул.

<http://tl.rulate.ru/book/1222/279227>